

УДК 81'27:[811.161.1+811.411.21'06]

UDC 81'27:[811.161.1+811.411.21'06]

СМЫСЛОВЫЕ ЛАКУНЫ И НЕСООТВЕТСТВИЯ ПРИ СОПОСТАВЛЕНИИ ФОРМУЛ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА РУССКОГО И АРАБСКОГО ЯЗЫКОВ

SEMANTIC LACUNAS AND INCONSISTENCIES IN COMPARING THE FORMULAS OF SPEAKING ETIQUETTE IN RUSSIAN AND ARABIC LANGUAGES

Алджебури Валаадин Али Хусейн,
*аспирант кафедры
прикладной лингвистики БГУ*

Al-Juboori Oalaalden Ali Hussein,
*Post-graduate student of the Academic
department of Applied Linguistics*

Поступила в редакцию 14.10.16.

Received on 14.10.16.

Статья посвящена выявлению и анализу языковых и этнокультурных несоответствий в русской и арабской разговорной речи, которые возникают вследствие лакунарности и приводят к нарушению коммуникации и непониманию, а в ряде случаев и к когнитивно-коммуникативному диссонансу. Особое внимание уделяется анализу смысловых лакун и несоответствий при сопоставлении русских и арабских формул речевого этикета.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, лакуна, лакунарность, коммуникативно-когнитивный диссонанс, разговорная речь, лакунарность русской разговорной речи, имплицитность, эллиптичность и структурно-семантическая разбалансированность разговорной речи.

This article is devoted to the identification and analysis of linguistic and ethno-cultural inconsistencies in the Russian and Arabic spoken languages, which arise as a result of lacunarity and lead to disruption of lines of communication and misunderstandings, and in some cases, to cognitive-communicative dissonance. Special attention the author gives to the analysis of the semantic lacunas and inconsistencies in comparing Russian and Arab formulas of speech etiquette.

Keywords: intercultural communication, lacuna, lacunarity, cognitive-communicative dissonance, speaking, lacunarity of Russian speaking, implicitness, ellipticity and structural and semantic disbalance of speaking.

Национально-культурная специфика межкультурной коммуникации сказывается на результатах и эффективности общения. Представители одной языковой культуры, вступая в контакт с представителями другой культуры, действуют по «своим» моделям поведения, опираются на «свои» культурные знания, поэтому преодоление одного лишь языкового барьера явно недостаточно для обеспечения эффективности общения между представителями разных культур. Для этого необходимо преодолеть еще и культурный барьер, который, как считает И. Ю. Марковина, может быть вызван несоответствиями как минимум пяти компонентов: *национальных традиций* как устойчивых элементов культуры, а также *культурных обычаев*, или традиций в «соционормативной» сфере культуры; *бытовой культуры*; *повседневного поведения*, то есть привычек представителей инокультуры, принятых в некотором социуме норм общения; *национальных картин мира*, отражающих специфику восприятия окружающего мира и особенности национального менталитета; *художественной культуры*, отражающей культурные традиции того или иного этноса

[1, с. 11–12]. Расхождения и несоответствия в языках и культурах фиксируются на разных уровнях и описываются разными авторами по-разному. Такая терминологическая разногласия свидетельствует о том, что вопросы, связанные с лакунарностью в межкультурном общении, до сих пор вызывают научные споры и требуют своего дальнейшего разрешения.

Настоящая статья посвящена выявлению и анализу языковых и этнокультурных несоответствий в русской и арабской разговорной речи, которые возникают вследствие лакунарности и приводят к нарушению коммуникации и непониманию, а в ряде случаев и к когнитивно-коммуникативному диссонансу. Выбор темы исследования неслучаен и обусловлен прежде всего трудностями, с которыми сталкиваются арабы и которым фактически заново приходится осваивать русскую разговорную речь в условиях языковой среды, оказавшись вне стен вуза, в котором они обучаются. Эти трудности имеют лингвометодическую природу и в основном обусловлены недостатками в системе обучения, которая традиционно ориентирована на обучение иностранцев нормативной разговорной речи, которая по многим параметрам

отличается от непринужденной разговорной речи, с которой приходится сталкиваться арабам в реальном общении с носителями русского языка. Владение арабами нормативной разговорной речью, лишенной многих определяющих черт живой естественной речи, является значительным препятствием для нормального вхождения их в реальную коммуникацию, основу которой составляет неформальная и непринужденная разговорная речь. Издержки в системе обучения оказывают негативное влияние на результативность межкультурной коммуникации и взаимопонимание собеседников [2, с. 5].

Основной недостаток большинства учебников по русскому языку, используемых в иностранной аудитории, состоит в том, что они не учитывают национальной принадлежности обучаемых. Это создает дополнительные трудности при овладении русским языком иностранцами, в том числе и арабами. Серьезной проблемой, с которой сталкиваются арабы в процессе овладения русским языком в целом и русской разговорной речью в частности, являются лакуны, на рассмотрении которых в каждом конкретном случае преподаватель должен останавливаться особо, поскольку при ненадлежащем внимании обучаемых к фактам расхождений в двух контактирующих языках – русском и арабском – в реальной коммуникации арабы неминуемо столкнутся с трудностями, которые, как правило, приведут к существенным коммуникативным сбоям, ошибкам, непониманию, а иногда и к когнитивно-коммуникативному диссонансу, который при несвоевременном устранении и определенных условиях может спровоцировать у обучаемого возникновение эффекта психологической боязни вступать в коммуникацию на тему, которая привела к диссонансу. Помимо смысловой, внутриязыковой и социокультурной лакунарности к числу характерных черт русской разговорной речи можно отнести ее имплицитность (то есть наличие в ней эксплицитно не выраженной информации) и синтаксическую эллиптичность. Если к этому добавить и другие отличительные черты русской разговорной речи – использование вместо общепринятых и нормативных номинаций необычных и пересмысленных сленговых выражений, свободное, а порой и ненормативное словоупотребление, необычный, ненормативный порядок слов, дистантное расположение сопряженных в смысловом и парадигматическом плане речевых единиц, пропуски некоторых из них, незавершенность высказываний или их подразумеваемая риторичность, – то в этом случае мы можем получить полный список всех формообразующих и смысловых особенностей

русской спонтанной разговорной речи, которые делают ее не только уникальной на фоне других функционально-стилевых регистров русской речи, но и чрезвычайно трудной для понимания иностранцами.

Непринужденная, неформальная русская разговорная речь существенно отличается от кодифицированного литературного языка набором единиц разных ярусов языковой системы (лексика, морфология, синтаксис, словообразование, особый стиль произношения). Однако не только это отличает разговорную речь от кодифицированного языка. Соотношение единиц, определяющее характер их взаимосвязей, законы их сочетания и чередования, от которых зависит специфика их функционирования, составляет более глубокое и принципиально важное различие двух разновидностей литературного языка. Наблюдения показывают, что для многих участков системы разговорной речи характерны черты аналитизма, а также ослабление явлений нерегулярности, нарушающих общие тенденции как в построении единиц разных ярусов. Именно это свойство разговорной речи имел в виду Л. В. Щерба, когда писал, что изменения в языке «куются и накапливаются в кузнице разговорной речи» [3, с. 116]. Свобода в построении единиц разных ярусов, пронизывающая всю систему русской разговорной речи, отражает ее яркую отличительную особенность – творческое начало. Пользуясь разговорной речью, человек гораздо в большей мере свободен в своем языковом творчестве. Вместе с тем эта особенность разговорной речи (свобода разговорных построений от различного рода ограничений, имеющих в кодифицированном языке), по мнению Н. Ю. Шведовой, «тесно связана с другой специфической чертой разговорной речи – обилием шаблонов, клише и готовых структур» [4, с. 6–8]. Родство этих, на первый взгляд, контрастных особенностей состоит в том, что они отражают стремление разговорной речи к стереотипным образцам (будь это лексический стереотип, синтаксический шаблон, структурный образец или модель построения), которые смогли бы облегчить спонтанность и неподготовленность речевого акта.

Объективная трудность русской разговорной речи для арабов обусловлена ее имплицитностью, лакунарностью и структурно-семантической разбалансированностью. Под *имплицитностью* мы понимаем формально не выраженное в речи содержание. Имплицитность в русской разговорной речи существует в виде двух составляющих – пресуппозиционной (внеречевой) и импликационной (речевой), которые в зависимости от типа конструкции разговорной речи (развернутая или редуци-

роvanная) и условий их порождения (спонтанность, неподготовленность, сленговость) могут находиться между собой либо в состоянии равновесия, когда говорящий учитывает пресуппозиционный потенциал слушателя, и сам слушатель способен освоить то, что ему адресует говорящий, либо доминирования одной составляющей над другой. Под *лакунарностью* в статье понимаются несоответствия в языках, ситуациях, культурах и когнитивных моделях (картин мира, способов мышления, ценностных универсалий) представителей разных этнокультур, участвующих в коммуникации. Под *структурно-семантической разбалансированностью* мы понимаем необычное с точки зрения носителей арабской языковой культуры построение русской разговорной речи, а также наличие в ней специфического состава лексических, синтаксических и стилистических средств, существенно осложняющих ее понимание.

Обычно выделяют три вида имплицитности – грамматическую, лексическую и текстовую. Для данного исследования интересным представляется последний вид имплицитности, которая формируется как результат взаимодействия речевого продукта с широким фоновым контекстом, культурными знаниями говорящего и слушателей. В развернутых разговорных высказываниях ярким примером импликации выступают пространственно-временные связи, причинно-следственные и др. В отличие от стандартных импликационных связей, импликации в неформальной разговорной речи выражены иначе, и для их восстановления необходимо не только существенно расширить речевое сообщение, но и восстановить некоторые отсутствующие в нем реалии или факты. Добавим, что в русской спонтанной разговорной речи существуют импликации, которые обусловлены исключительно субъективными мотивами речевого поведения. Например, в неофициальном диалоге ситуативный пропуск целых фрагментов или даже фраз считается обычным «коммуникативным правом» собеседников. Ср.: *И вы туда пойдете?! – Пойду, если скажешь, куда. Или: Ну что, доигрался! Выкинут тебя за это из универа. А я предупреждал. – Но это не я. Я там и не был. Не веришь? Спроси у Макса.* На основе субъективной импликации построен и следующий анекдот с речевой лакуной в диалоге: Жена спрашивает мужа: – *Где ты вчера был? – Это брехня!* – возмущается муж. – *Кто тебе сказал?* [5, с. 70–71]. Таким образом, имплицитность неформальной разговорной речи связана с речемыслительной деятельностью как говорящего, так и слушателя. Причем последнему зачастую требуются значительные

когнитивные усилия для того чтобы понять то, что в речи говорящего эксплицитно не выражено. Важным условием понимания подразумеваемой в разговорной речи имплицитной информации являются не только наличие у слушателей соответствующих фоновых знаний, но и знание ими негласных речевых правил, имеющих этикетный характер [5, с. 72–73]. Эти правила в наиболее полной форме были описаны Г. П. Грайсом в его теории речевых актов [6] и представлены в виде импликаций общения и косвенных актов типа *телефон звонит = подойди, лег рано спать = устал, стало прохладно = закройте окно.*

Если лакуарность разговорных конструкций в некоторых случаях арабы могут устранить посредством прогнозирования смысла этих конструкций или анализа ситуативных контекстов, то имплицитность разговорной речи в условиях незнания арабами фактов, подразумеваемых говорящим, но не выраженных в речи, без помощи самого говорящего устранить невозможно. Возьмем в качестве примера русскую этикетную формулу *Ну будь здоров, дружище!*, обычно произносимую при расставании собеседников, находящихся между собой в неформальных ролевых отношениях. В арабском этикете подобная формула отсутствует, а поэтому для ее понимания необходимо не только знание ситуации, в которой она используется, но и знание ее смысловой интерпретации и поведенческих норм, соблюдаемых после произнесения этой этикетной конструкции (например, в ответ произнести реплику типа *Пока, До встречи, И тебе всего хорошего*). Максимальным потенциалом имплицитности для арабов обычно обладают помимо русских этикетных формул, коннотативно окрашенные лексические единицы, отсутствующие в родном языке слушателей, а также фрагменты русского разговорного дискурса, которые содержат наряду с обычной пресуппозицией, имеющей отношение к знаниям говорящих, еще и прагматическую презумпцию (термин Н. Д. Арутюновой и Е. В. Падучевой), которая касается их мотивационных установок и убеждений, в том числе и мировоззренческих [7]. Оба эти понятия – пресуппозиция и прагматическая презумпция – тесно связаны с фоновыми знаниями и прагматическими интенциями говорящих, имплицитно присутствующих в разговорных высказываниях. Трудность освоения смыслов, эксплицитно не выраженных в речи, состоит в том, что сам говорящий считает прагматическую презумпцию речевого сообщения известной собеседникам, однако это не значит, что данная прагматическая презумпция действительно известна слушателям [8]. При этом ситуация

значительно осложняется, если реальия, значение которой входит в прагматическую презумпцию речевого сообщения, переосмыслена и выступает в новом смысловом качестве, например: *Для белорусского футбола наступили смутные времена* или *Время быков прошло, наступило время бабок*. В первом высказывании словосочетание *смутные времена* возникло на основе аналогии со смутными временами в истории, например, с эпохой Ивана Грозного, во втором – сленговое слово *бык* использовано говорящим в значении ‘рэкетир’, а слово *бабки* – в значении ‘деньги’. При перефразировании второго высказывания в более доступную форму оно примет следующий вид: *Время господства физической силы прошло, наступило время господства денег*.

Таким образом, имплицитность смысла в разговорной речи порождается имплицитностью знаний, то есть невыраженностью в речи реалий и фактов, которые этот смысл породили. Если этих знаний у слушателей нет или их не хватает, то восстановить формально не выраженные смыслы практически невозможно. Для понимания русской разговорной речи в ситуациях спонтанного и непринужденного общения инофонам необходимо не только хорошо ориентироваться в ее грамматических особенностях, лексическом составе и допустимых вариантах произношения, но и знать ситуативные условия применения некоторых единиц разговорной речи, которые отличаются своеобразием в разных языках. Большую роль в том, как именно используются те или иные единицы разговорной речи, играют узус и речевой этикет, включающий наиболее употребительные формулы «речевого поведения» [9; 10].

Сравнительно-сопоставительный анализ этикетных норм русской и арабской разговорной речи показывает, что некоторые русские этикетные формулы представляют собой абсолютные лакуны в арабском языке. К числу таких этикетных формул относятся следующие группы выражений: а) инициальные этикетные реплики, используемые при встрече и расставании: *С приездом! Легко на помине. Куда ты пропал? Куда он исчез?*; б) ответные этикетные реплики, используемые при встрече: *Неважно. Хуже некуда. Лучше и не спрашивай*; в) ответные реплики, используемые в различных ситуациях: *На здоровье!* (в ответ на благодарность за угощение), *Вы не туда попали* (при разговоре по телефону), *Ничего страшного* (в ответ на извинение за опоздание, беспокойство); г) инициальные реплики, используемые при выражении утешения и подбадривания собеседника: *Не падай духом. Возьми себя в руки. Все обойдется. Ничего не поделаешь*.

Несмотря на отнесение подобных этикетных формул к классу абсолютных лакун, следует сделать одну важную оговорку. Дело в том, что при обнаружении подобных лакун правильнее говорить не об абсолютном отсутствии в арабском языке эквивалентов данных русских этикетных формул, а об отсутствии арабских эквивалентов в форме аналогичных по компонентному составу устойчивых словосочетаний русского языка.

Определенные трудности арабы испытывают при употреблении формул речевого этикета при обращении к собеседнику. Все отмеченные нами ошибки в этой области функционирования русских этикетных норм и предписаний связаны с существенными различиями в двух языках. Во-первых, в арабском языке формы обращения ко второму лицу с помощью местоимений *ты* и *Вы* не имеет тех ограничений, которые существуют в русском языке. В русской разговорной речи при выборе формы обращения играют роль такие факторы, как степень знакомства и близости собеседников (родственники, друзья, незнакомые люди), возраст говорящих, их социальное положение и т. д. Что же касается арабского языка, то в нем в ситуациях повседневного и непринужденного общения предпочтительнее использование форм обращения на *ты*, которое отнюдь не считается грубым и невежливым [2, с. 96–97].

К когнитивно-коммуникативному диссонансу приводят арабов некоторые неформальные обращения к ним со стороны незнакомых русских собеседников, которые строятся по принципу именованного незнакомого человека формами, предназначенными для обращения к знакомым и близким людям: *Друг. Дружище. Братан* и т. д. Такие обращения, отсутствующие в арабском языке, рассчитаны на эффект интимизации и сближения, имеют печать фамильярности (иногда с оттенком грубости) и находятся на границе разговорной речи и просторечия, например: *Братан // На Москву / с какой платформы?*

Одним из распространенных типов ошибок арабов при обращении к преподавателям является использование ими формы *преподаватель*, что нарушает нормы русского языка, но полностью соответствует нормам арабского речевого этикета. К числу других ошибок, выявленных нами в речи арабов и связанных с неправильным употреблением формул речевого этикета русского языка, следует отнести:

- ошибки, вызванные незнанием правил речевого этикета, социально-ролевых аспектов коммуникации, которые проявляются в неправильном употреблении форм приветствия, приглашения, побуждения

к действию, привлечения внимания, различение модально-экспрессивных значений глаголов совершенного и несовершенного видов в императиве при выражении просьбы; чрезмерное использование в речи форм приветствий и прощания типа *привет, здорово, пока* без учета социально-ролевых аспектов коммуникации, а также неуместное и достаточно частое употребление конструкции *я хочу* вместо более приемлемого варианта *мне хотелось бы*;

- сценарно-ролевые ошибки, вызванные невладением русскими социокультурными стереотипами речевого общения, что ведет к неверному использованию стереотипных речевых формул и сценариев социально-бытовых ситуаций, например, при покупке талона в транспорте и билета на поезд, при поездке в метро, наземных видах транспорта или на поезде, при покупке товаров в магазине. Различными будут также сценарии посещения поликлиники, поведения в регистратуре, на приеме у врача, в паспортной службе и т. д. Все это требует

внесения определенных изменений и корректировок в ментальную и поведенческую сферу арабов.

Особую трудность для арабов, обусловленную проблемой лакунарности, представляют русские разговорные конструкции, имеющие форму вопроса с отрицанием *не* и частицей *бы*. В русской разговорной речи эти высказывания выражают вежливую просьбу и, как правило, не рассчитаны на вербальный ответ. Например, фраза *Не мог бы ты дать мне свой учебник?* имеет значение не вопроса, а просьбы и ориентирована на невербальную реакцию собеседников. Трудность понимания таких высказываний арабами обусловлена их необычностью и лакунарностью с позиции арабского языка, для которого несвойственны разговорные конструкции с отрицанием *не* в неотрицательном значении. По этим же причинам чрезвычайно трудны для понимания арабами разговорные конструкции типа *Ну, ты голова! Твой телефон у меня всегда под рукой. Оказывается, ты живешь в двух шагах от меня. На носу экзамены* и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марковина, И. Ю. Культура и текст. Введение в лакунологию : учеб. пособие / И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорokin. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2008. – 144 с.
2. Алджебури Валадин Али Хусейн. Смысловая лакунарность русской разговорной речи как источник когнитивно-коммуникативного диссонанса у носителей арабского языка / Алджебури Валадин Али Хусейн. – Минск : РИВШ, 2014. – 150 с.
3. Щерба, Л. В. Современный русский литературный язык / Л. В. Щерба // Избр. работы по рус. яз. / Л. В. Щерба ; Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз. – М., 1957 – С. 113–129.
4. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 377 с.
5. Краснова, Т. И. Субъективность – модальность (материалы активной грамматики) / Т. И. Краснова. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2002. – 189 с.
6. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI. – М., 1985.
7. Арутюнова, Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике / общ. ред. Е. В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 21–38.
8. Итерязыковые лакуны как явление межкультурной коммуникации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bankreferatov.ru/referats/ C325729F00> – Дата доступа: 19.08. 2016.
9. Акишина, А. А. Русский речевой этикет : пособие для студентов-иностранцев / А. А. Акишина, Н. И. Формановская. – 2-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1978. – 183 с.
10. Гольдин, В. Е. Речь и этикет : кн. для внекл. чтения учащихся 7–8 кл. / В. Е. Гольдин. – М. : Просвещение, 1983. – 109 с.

REFERENCES

1. Markovina, I. Yu. Kultura i tekst. Vvedeniye v lakunologiyu : ucheb. posobiye / I. Yu. Markovina, Yu. A. Sorokin. – M. : GEOTAR-Media, 2008. – 144 s.
2. Aldzheburi Valaadin Ali Khuseyn. Smyslovaya lakunarnost russkoy razgovornoy rechi kak istochnik kognitivno-kommunikativnogo dissonansa u nositeley arabskogo yazyka / Aldzheburi Valaadin Ali Khuseyn. – Minsk : RIVSh, 2014. – 150 s.
3. Shcherba, L. V. Sovremennyy russiy literaturnyy yazyk / L. V. Shcherba // Izbr. raboty po rus. yaz. / L. V. Shcherba ; Akad. nauk SSSR, Otd-niye lit. i yaz. – M., 1957. – S. 113–129.
4. Shvedova, N. Yu. Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi / N. Yu. Shvedova ; Akad. nauk SSSR, In-t rus. yaz. – M. : Izd-vo AN SSSR, 1960. – 377 s.
5. Krasnova, T. I. Subyektivnost – modalnost (materialy aktivnoy grammatiki) / T. I. Krasnova. – SPb. : Izd-vo SPbGUEF, 2002. – 189 s.
6. Grays, G. P. Logika i rechevoye obshcheniye / G. P. Grays // Novoye v zarubezhnoy lingvistike. – Vyp. XVI. – M., 1985.
7. Arutyunova, N. D. Istoki, problem i kategorii pragmatiki / N. D. Arutyunova, Ye. V. Paducheva // Novoye v zarubezhnoy lingvistike / obshch. red. Ye. V. Paduchevoy. – M. : Progress, 1985. – Vyp. 16. Lingvisticheskaya pragmatika. – S. 21–38.
8. Interyazykovyye lakuny kak yavleniye mezhkulturnoy kommunikatsii [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://www.bankreferatov.ru/referats/ C325729F00> – Data dostupa: 19.08. 2016.
9. Akishina, A. A. Russkiy rechevoy etiket : posobiye dlya studentov-inostrantsev / A. A. Akishina, N. I. Formanovskaya. – 2-ye izd., ispr. – M. : Rus. Yaz., 1978. – 183 s.
10. Goldin, V. Ye. Rech i etiket : kn. dlya vnekl. chteniya uchashchikhsya 7–8 kl. / V. Ye. Goldin. – M. : Prosveshcheniye, 1983. – 109 s.